

ГАМБИТ

ГЛАВА 1

В февральский понедельник, пришедшийся на день рождения Линкольна, в 11:27 я прошел из кабинета в смежную с ним гостиную и сказал:

— Мисс Блаунт здесь.

Вулф, не глядя на меня, с недовольным ворчанием вырвал из книги еще несколько страниц, швырнул в огонь и спросил:

— А кто такая эта мисс Блаунт?

Я поджал губы, но соизволил ответить:

— Она дочь Мэтью Блаунта, президента текстильной корпорации «Блаунт», которого посадили за решетку по обвинению в убийстве, и, как вам, должно быть, известно, ей назначена встреча на одиннадцать тридцать. И не нужно валять дурака, делая вид, будто вы забыли. Вы прекрасно знали, что не успеете закончить аутодафе за полчаса. И как насчет ваших собственных комментариев в адрес тех, кто сжигает книги?

— Это исключение из правил. — Вулф выдрал еще несколько страниц. — Я простой человек, а не правительство и не цензурный комитет. Я заплатил сорок семь долларов пятьдесят центов за эту книгу и после тщательного изучения нашел ее в высшей степени пагубной и даже подрывающей устои, а потому уничтожаю ее. — Вулф швырнул страницы в огонь. — Я сейчас не настроен выслушивать женщину. Пусть придет после ланча.

— А еще я слышал, что вы говорили о людях, отменяющих встречи, которые сами же и назначили.

Пауза. Очередные несколько страниц полетели в огонь.

— Ну ладно. Приведи ее сюда.

Вернувшись в кабинет, я закрыл за собой дверь, подошел к красному кожаному креслу возле письменного стола Вулфа, в которое усадил посетительницу, и повернулся к ней лицом. Она откинула голову и посмотрела прямо на меня. Она была этакой шоколадкой, брауни¹ — я не имею в виду девочку-скаута, — с маленьким носиком, маленькими ушками, большими карими глазами, копной каштановых волос и пухлым ртом, который смотрелся бы куда лучше, если бы его углы были чуть подняты, а не печально опущены.

— Пожалуй, мне стоит все вам объяснить. У мистера Вулфа сейчас происходит внутренняя борьба. Тяжелая внутренняя борьба. В гостиной есть камин, который мы никогда не зажигаем, поскольку Вулф считает, что пламя тормозит мыслительный процесс. Но сейчас камин растоплен, потому что Вулфу нужен огонь. И в данный момент Вулф сидит в кресле, слишком тесном для него, вырывает страницы из книги и сжигает их в камине. Книга — это полное третье издание Нового международного словаря Уэбстера, выпущенного компанией «Дж. и Ч. Мерриам» в Спрингфилде, штат Массачусетс. Вулф считает этот словарь подрывающим устои, поскольку он угрожает целостности английского языка. В течение прошлой недели Вулф привел мне тысячу примеров преступности этого словаря. Утверждает, будто это неприкрытый акт убийства... Прошу меня извинить. Я так детально описываю ситуацию, поскольку Вулф велел мне привести вас в гостиную, что однозначно нехорошо. Ведь даже если он и услышит, что вы ему рассказываете, его мыслительный процесс будет заторможен. Не могли бы вы прийти чуть позже? После ланча Вулф будет намного человечнее.

Мисс Блаунт уставилась на меня во все глаза:

— Он что, сжигает словарь?

¹ Слово «брауни» (*англ.* brownie) означает и девочку-скаута, и шоколадное пирожное. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Так точно. Но это еще пустяки. Однажды он сжег кулинарную книгу, так как там было сказано, что нужно снимать шкуру со свиного окорока, прежде чем тушить его с лимской фасолью. А вот что он любит больше: еду или слова — это еще вопрос.

— Но я не хочу приходить еще раз. — Мисс Блаунт решительно встала с места. — Я хочу видеть его прямо сейчас. Я должна видеть его прямо сейчас.

Проблема заключалась в следующем: если бы я уговорил мисс Блаунт отложить встречу, она могла больше не прийти. Когда она позвонила с просьбой ее принять, то имелась большая вероятность заполучить Мэтью Блаунта в клиенты, а это, судя по газетным статьям и ходившим по городу разговорам, даст хорошему детективу широкий фронт работы, за которую Мэтью Блаунт сможет заплатить даже по расценкам Ниро Вулфа. Поэтому я не хотел отпугнуть перспективную клиентку, и, кроме того, меня потрясло ее лицо: не только опущенные уголки рта, но и выражение глаз. У нее был тревожный взгляд, как и у всех, кто приходил к нам, и она явно находилась на грани отчаяния. И если я сейчас выставлю ее, она может отправиться напрямиком в какое-нибудь убогое агентство, где, естественно, нет гениев вроде Вулфа и ищеек вроде меня.

— Ну ладно. Мое дело предупредить. — Я взял с письменного стола свой блокнот и открыл дверь в гостиную.

Мисс Блаунт вошла в открытую дверь, бросив мантию из серебристой норки на спинку кресла.

Я поставил для нас рядом два стула, но, поскольку Вулф сидел возле камина, мне не удалось посадить мисс Блаунт лицом к Вулфу. Он редко встает, чтобы приветствовать посетителя, а тем более когда у него на коленях лежит увесистый словарь, впрочем уже уменьшившийся на одну треть. Швырнув очередную порцию страниц в камин, Вулф повернулся к посетительнице:

— Мисс Блаунт, вы используете слова «подразумевать» и «намекать» в качестве взаимозаменяемых?

Она отреагировала безупречно, просто сказав:

— Нет.

— А в этой книге говорится, что это вполне возможно. Пф! Я бы предпочел не прерывать это аутодафе. Итак, вы хотели со мной проконсультироваться?

— Да. О моем отце. Он в... арестован за убийство. Две недели назад умер один человек, был отравлен...

— Прошу меня извинить, но я читаю газеты. Почему вы обратились ко мне?

— Я знаю, что папа никого не убивал. И хочу это доказать.

— Естественно. Это ваш отец прислал вас?

— Нет.

— Тогда, значит, его адвокат мистер Калмус?

— Нет. Никто меня не присылал. Никто не знает, что я здесь. В этой сумке у меня двадцать две тысячи долларов. — Она похлопала по лежавшей у нее на коленях коричневой кожаной сумке с ручками. — Изначально у меня не было всей суммы, но я продала кое-какие вещи. Если понадобится, я смогу достать еще. Папа с мамой не должны знать, что я к вам обратилась. Как и мистер Калмус.

— Тогда это невозможно. — Вырвав еще несколько страниц, Вулф бросил их в камин. — А почему они не должны ничего знать?

— Потому что они не позволили бы... Они остановили бы меня. И даже папа. — Она стиснула сумку. — Мистер Вулф, я пришла к вам, так как должна была это сделать. Мне нужно сообщить вам кое-какие сведения, которые я не решилась бы сказать никому другому. Это первое доброе дело в моей жизни. Беда в том, что я не делаю ничего плохого, но и ничего хорошего. Тогда какой в этом толк? И мне двадцать два года, поэтому я и принесла с собой двадцать две тысячи долларов. — Она в очередной раз похлопала по сумке. — Дэн Калмус уже много лет является адвокатом моего отца. Вероятно, мистер Калмус хорошо разбирается в вопросах бизнеса, но для такого сложного дела он явно не годится. Я абсолютно уверена. Ведь я знаю его всю жизнь. На прошлой неделе

я предложила ему пригласить вас для расследования, а он в ответ лишь улыбнулся и заявил, что ему не нравится стиль вашей работы. По его словам, он знает, что делает, но это вовсе не так. Мне страшно. Страшно до чертиков! — Она наклонилась вперед. — Мистер Вулф, моего отца осудят по обвинению в убийстве.

Недовольно заворчав, Вулф продолжил вырывать страницы.

— Если ваш отец захочет меня нанять, я мог бы пренебречь согласием его адвоката, хотя это и создаст определенные трудности.

Мисс Блаунт энергично покачала головой:

— Отец не станет вас нанимать, если Дэн Калмус скажет «нет». А мама не станет вас нанимать, если папа скажет «нет». Итак, остаюсь только я. Ну а я могу вас нанять?

— Определенно нет. Без сотрудничества вашего отца и его адвоката я и пальцем не пошевелю. — Вулф с удвоенным рвением принялся рвать страницы.

Двадцать две штуки — сумма для нас отнюдь не рекордная, однако вполне достаточная, чтобы успешно начать новый 1962 год.

— Но ведь это глупо, — сказала мисс Блаунт. — Просто огонь тормозит ваш мыслительный процесс. Я предложила Дэну Калмусу нанять вас, а теперь и сама к вам пришла, поскольку, по-моему, вы можете делать то, на что не способен никто другой. Вас считают волшебником. Все так и говорят. Сам Дэн Калмус сказал, что вы волшебник. Однако он не хочет, чтобы вы брались за его дело. Он так и сказал: «За мое дело». Хотя это не его дело, а дело моего отца.

— Да, — согласился Вулф. — Это дело вашего отца, а не ваше. Вы должны...

— Теперь это мое дело! Первое доброе дело в моей жизни. — Нагнувшись, она вырвала из руки Вулфа раскученную книгу и вцепилась ему в запястье. — Разве волшебник может творить только самые простые чудеса? А что, если вы единственный человек на земле, способный спасти моего отца

от обвинительного приговора за убийство, которого он не совершал? Если бы я могла совершить что-то такое, чего не может сделать ни один человек на земле, то непременно это сделала бы! И вам вовсе не нужен мой отец или его адвокат, ведь я могу не хуже их все рассказать. Я даже поведаю вам то, чего они ни за что не скажут. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать. Дэн Калмус никогда в этом не признается, а мой отец просто не в курсе, да и вообще он сейчас в тюрьме. Но я-то нет!

Мисс Блаунт выпустила руку Вулфа, и тот сразу бросил в огонь вырванные страницы. Он сердито хмурился, но не на словарь. Она взяла верную ноту, когда назвала его волшебником, подразумевая, а отнюдь не намекая, что Вулф — единственный в своем роде, и при этом заранее упомянула о содержимом своей сумки.

Вулф обратил на посетительницу хмурый взгляд:

— Вы утверждаете, что уверены в его невиновности. Это просто точка зрения, естественная для дочери, или у вас есть доказательства?

— У меня нет никаких доказательств. Все улики свидетельствуют против него. Но это не просто точка зрения. Я совершенно точно знаю. Я достаточно хорошо знаю своего отца, чтобы...

— Нет! — отрезал Вулф. — То, что очевидно для вас, не очевидно для меня. Вы хотите нанять меня и заплатить мне, действуя от лица человека, который находится в неведении, человека, которого, несмотря на свое состояние и положение в обществе, обвинили в убийстве и посадили за решетку. Доказательства должны быть очень убедительными. Ваш отец не может стать моим клиентом, а вот вы могли бы.

— Отлично, тогда я стану вашей клиенткой. — Мисс Блаунт открыла сумку.

— Я сказал «могли бы». Это, конечно, абсурдно, но весьма заманчиво. Я должен знать... Впрочем, для начала давайте посмотрим, что нам с мистером Гудвином уже известно. — Вулф повернулся ко мне. — Арчи, что нам известно?

— От и до? Или основные моменты?

— Все, что есть. А потом поглядим, сможет ли мисс Блаунт что-нибудь добавить?

— Хорошо. — Я сосредоточился на перспективной клиентке. — Все, что известно из газет и кое-каких услышанных разговоров. Если я в чем-то ошибаюсь, сразу останавливайте меня, не дожидаясь, чтобы я закончил. Итак, «Гамбит» — это шахматный клуб, занимающий два этажа в старом кирпичном здании на Западной Двенадцатой улице. В клубе шестьдесят членов: бизнесменов и профессионалов, а еще парочка банкиров. Как принято в шахматных клубах, они там очень разборчивы. Во вторник вечером, тридцатого января, почти две недели назад, в клубе проходило мероприятие. Некто по имени Пол Джерин, двадцати шести лет от роду, не член клуба, проводил сеанс одновременной игры вслепую с двенадцатью членами клуба. А теперь насчет Пола Джерина. Я буду излагать информацию, не отфильтровывая сведения из газет от слухов. Он весьма эксцентричная личность. Имеет три источника дохода: от написания стихов и шуток для поздравительных открыток, от показа магических номеров на вечеринках и от игры в кости. Он также был равнодушен к шахматам, но играл в основном ради развлечения, не участвуя в турнирах. Вы его знали. Вы с ним познакомились. И как давно это было?

— Около года назад. Мы познакомились на вечеринке, где он показывал фокусы.

— И он обхаживал вас, или вы обхаживали его. Я слышал оба варианта. Вы, естественно, понимаете, что подобные вещи порождают самые разные толки. Узнав, что он играет в шахматы, вы организовали ему шахматную партию у вас дома с вашим отцом. А потом он стал приходить снова и снова. Ну и как часто? Я слышал разные версии.

— С папой он играл в шахматы лишь три раза. Три вечера. Пол сказал, что ему было неинтересно, как-то уж слишком просто. В последний раз он, пожертвовав ладьей, обыграл папу. Но это было много месяцев назад.

— Но он не только играл в шахматы, но и неоднократно встречался с вами. Согласно существующей версии вы собирались за Джерина замуж, но ваш отец...

— Неправда. У меня и в мыслях не было выходить за него замуж. И мы не так уж и часто виделись. В полиции меня об этом уже спрашивали. И я точно знаю. За последние три месяца мы виделись с ним ровно пять раз. На вечеринках, где мы в основном танцевали. Он был хорошим танцором. Но ни одна девушка в здравом уме никогда бы не вышла за него замуж.

— Ну ладно, довольно о слухах. Но вы уговорили вашего отца устроить тот турнир в клубе «Гамбит».

Нам пришлось несколько повысить голос, поскольку Вулф продолжал с шумом выдирать страницы.

— Об этом меня тоже спрашивали. А дело было вот как. Идею подал мне Пол. Сказал, что было бы забавно утереть им всем нос. И я рассказала об этом папе. Но ни на чем не настаивала. Папа ответил, что если Пол будет играть вслепую, то два-три члена клуба, пожалуй, смогут его обставить. И организовал турнир.

— Хорошо. Ваш отец организовал турнир. Конечно, это очень важно. А ваш отец знал, что Пол всегда пил горячий шоколад во время игры в шахматы?

— Да. Пол постоянно пил горячий шоколад.

— Тогда рассмотрим поподробнее турнир тридцатого января. Это был мужской междусобойчик. Присутствовали только мужчины.

— Да.

— Об этом писали в газетах. Я обычно читаю репортажи об убийствах, но особо внимательно лишь тогда, когда мы участвуем в расследовании, а значит, могу в чем-то и ошибиться. В таком случае прошу меня остановить. Присутствовали лишь члены клуба, примерно сорок человек, а также Пол Джерин, официант по имени Бернارد Нэш и повар Тони Лаги. В большой комнате на первом этаже вдоль стен установили двенадцать столов, по шесть в каждом ряду. За каждым столом сидел член клуба, спиной к стене. Участники турнира. Таким

образом, в центре комнаты оставалось достаточно места для остальных членов клуба, чтобы свободно перемещаться и следить за игрой. Так?

— Да.

— Но четверо членов клуба не просто следили за игрой, а передавали информацию в качестве посредников. Пол Джерин находился в комнате поменьше в задней части здания, в которой, если верить «Таймс», находится лучшая в стране библиотека шахматной литературы. Он сидел на диване и, когда игра началась, остался в комнате один. Столы были пронумерованы, один посредник обслуживал три стола. Сразу после начала игры посредник отправлялся к Джерину и сообщал ему номер стола...

— Нет. Не сразу после начала игры. Человек, который играет вслепую, ходит белыми на всех досках, а значит, делает первый ход.

— Должно быть, так было нужно. В любом случае, как только игрок за одним из столов делал ход, посредник, обслуживающий этот стол, отправлялся к Джерину и объявлял ему номер стола и сделанный ход. Джерин называл свой ход, после чего посредник передавал информацию игроку за столом. Верно?

— Да.

— Ну ладно, но только я этому не верю. В свое время я баловался шахматами достаточно для того, чтобы понять основные принципы. И я не верю, что кто-то способен держать в голове одновременно двенадцать партий, не глядя на доску. Я слышал, что некоторым удавалось играть даже на двадцати досках, но я этому не верю.

— Сто шестьдесят девять миллионов пятьсот восемнадцать тысяч восемьсот двадцать девять и двадцать одна десятая. Число возможных вариантов первых десяти ходов, черными и белыми. Человек, способный разыгрывать вслепую одновременно двенадцать партий, должен быть настоящим уникалом. Практически чудом природы, — пробурчал Вулф.

— Неужели это так существенно? — спросил я.

— Нет.

Я снова повернулся к Салли Блаунт. По телефону она сказала мне, что ее имя Сара, но она предпочитает, чтобы ее называли Салли.

— Итак, игра должна была начаться в половине девятого вечера, но началась без двадцати девять, на десять минут позже. С этой минуты Джерин оставался в библиотеке один, не считая того времени, когда туда входил посредник. Полагаю, я могу их назвать. Чарльз У. Йеркс, банкир. Дэниел Калмус, адвокат. Эрнст Хаусман, отошедший от дел состоятельный маклер, один из основателей клуба. Мортон Фэрроу, племянник вашей матери миссис Мэтью Блаунт. — Я закрыл глаза и, сделав паузу, сказал: — Тут я, пожалуй, сдаюсь. В какой-то из газет точно говорилось, чем зарабатывает себе на жизнь ваш кузен Мортон, но мне никак не вспомнить.

— Он в бизнесе моего папы. — Она удивленно подняла брови, отчего глаза стали еще больше. — У вас, должно быть, превосходная память, даже когда вы не слишком внимательны.

— У меня такая отличная память, что я наверняка тоже уникам, но мы храним газеты за последние две недели, и должен признаться, после вашего звонка я их все просмотрел. Впрочем, начиная с этого места, вы можете рассказать мне то, чего не было в газетах. Полиция и окружной прокурор всегда оставляют при себе кое-какие детали. Мне известно из газет, что ваш отец играл за столом номер шесть. Что официант и повар — Бернард Нэш и Тони Лаги — находились на кухне в цокольном этаже здания, на этаж ниже. Что вскоре после начала игры Полу Джерину принесли в библиотеку кофейник с горячим шоколадом. Пол выпил немного, уж не знаю сколько, а через полчаса сказал одному из посредников, Йерксу, что неважно себя чувствует. Примерно в половине десятого он заявил другому посреднику, Калмусу, что не может продолжать игру. После чего Калмус привел врача, одного из игроков — я не в курсе, за каким столом он сидел, — по имени Виктор Эйвери. Доктор Эйвери задал Джерину пару вопросов и отправил кого-то в аптеку на Шестой авеню. К тому времени как

принесли лекарство, Джерину совсем поплохело, и врач дал ему лекарство. Еще через полчаса Джерину стало еще хуже, и пришлось вызвать «скорую». Без четверти одиннадцать его доставили в сопровождении доктора Эйвери в больницу Святого Винсента, и в три часа двадцать минут Джерин скончался. Уже позже судмедэксперт обнаружил в его организме мышьяк. В «Таймс» не указывалось, сколько именно, но в «Газетт» писали, что семь гран. Замечания имеются?

— Нет. Я ничего не знаю.

— В газетах не писали, содержался ли мышьяк в шоколаде. Это так?

— Я не знаю.

— Там также не упомянули имя человека, принесшего шоколад из кухни в библиотеку. Вам известно, кто это был?

— Да. Мой отец.

Я вытаращился на мисс Блаунт. Рука Вулфа с вырванными страницами застыла в воздухе.

— Но ваш отец сидел за столом номер шесть. Участвовал в турнире. Разве нет?

— Да. Но когда папа сделал второй ход, его посредник, мистер Хаусман, куда-то запропастился, и папа встал из-за стола проверить, принесли ли Полу шоколад. Стол номер шесть находился в конце комнаты, рядом с библиотекой. Шоколад так и не принесли, и тогда папа спустился за ним на кухню.

— И он что, собственноручно отнес шоколад Джерину?

— Да.

Вулф покосился на мисс Блаунт. Я перевел дух и спросил:

— Я вам, конечно, верю, но откуда вы знаете?

— Папа мне сам рассказал. На следующий день. Его арестовали лишь в субботу, — впрочем, это вам, само собой, известно. Именно потому я и знаю, что он этого не делал. Он рассказал нам обо всем так, словно ни секунды не сомневался, что мы поверим в его невиновность. — Она бросила взгляд в сторону Вулфа. — Вы, естественно, скажете, что для вас это звучит не слишком убедительно, но лично для меня достаточно убедительно. Я точно знаю.

— Хорошо, — сказал я. — Он отнес шоколад. И поставил на стол возле дивана, на котором сидел Джерин. Так?

— Да. Поднос с кофейником, чашкой, блюдцем и салфеткой.

— Вы говорите, ваш отец все подробно вам рассказал. А Джерин что-нибудь ел или пил, кроме шоколада?

— Нет. Там вообще больше ничего не было.

— За те полчаса, прошедшие с того момента, как ваш отец отнес Джерину шоколад, и до той минуты, как Джерин сказал Йерксу, что ему нехорошо, кто-нибудь входил в библиотеку, кроме посредников?

— Нет. По крайней мере, по мнению папы, хотя он и не был абсолютно уверен. — Мисс Блаунт улыбнулась Вулфу. — Я могу у него узнать. Вы говорили, что и пальцем не шевельнете, если он не будет сотрудничать, но я могу с ним увидеться и узнать все, что вас интересует. Естественно, не ставя его в известность, для кого эта информация.

Оставив последнее без комментариев, Вулф продолжил вырывать страницы.

Я пристально посмотрел на посетительницу:

— Вы утверждаете, что не знаете, был ли в шоколаде мышьяк. Скажите, а ваш отец упоминал, оставался ли в кофейнике шоколад и сохранили ли его до приезда полиции?

— Да, сохранили. Однако кофейник был полным.

— Полным? А разве Джерин не пил из него?

— Да. И довольно много. Когда мистер Йеркс сообщил папе, что Пол жалуется на плохое самочувствие, папа отправился в библиотеку. В кофейнике практически ничего не оставалось, а чашка была наполовину пустой. Папа отнес кофейник с чашкой на кухню и там сполоснул. По словам повара и официанта, они ничего не добавляли в напиток — только молоко, порошок шоколад и сахар. Они налили в кофейник свежеприготовленный шоколад, и папа вместе с чистой чашкой отнес все в библиотеку. Очевидно, Пол больше ничего не пил, потому что кофейник остался полным.

Онемев от удивления, я уставился на мисс Блаунт. А Вулф не просто смотрел, а буквально ел посетительницу глазами:

— Мисс Блаунт, или ваш отец форменный болван, или он действительно невиновен!

— Я знаю, — кивнула она. — Я ведь уже обещала рассказать вам то, чего никому другому не стала бы говорить. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать, а теперь вот и это. Я не в курсе, сообщил ли папа о данном факте полиции. Вероятно, повар и официант сообщили, хотя, возможно, и нет. Но я должна была вам рассказать. Должна была рассказать все, что мне известно, чтобы вы могли принять решение. Разве нет?

— Да. И я одобряю ваше поведение. Люди редко рассказывают все, что знают. А повар и официант наверняка выложили полиции абсолютно все как на духу. А иначе вашего отца обвинили бы в убийстве. — Вулф закрыл глаза и попытался откинуться на спинку кресла. Напрасный труд. У Вулфа это получалось на автомате лишь в сделанном на заказ персональном кресле, когда нужно было закрыть глаза и хорошенько подумать. Похоже, не судьба. Вулф даже крикнул от досады, но быстро выпрямился и поинтересовался у мисс Блаунт: — У вас в этой сумке деньги, да?

Посетительница открыла сумку и достала толстую пачку банкнот, перетянутую резинкой:

— Двадцать две тысячи долларов.

Она протянула пачку Вулфу, однако тот не стал брать деньги.

— Вы говорили, что продали какие-то вещи? Какие именно? Они ваши?

— Да. У меня кое-что было на банковском счете, и я продала драгоценности.

— Ваши собственные драгоценности?

— Ну да. Конечно. Разве я могла продать чужие?

— Тогда договорились. Арчи, пересчитай деньги.

Я протянул руку, мисс Блаунт отдала мне пачку. Я снял резинку и начал пересчитывать банкноты, а Вулф продолжал

швырять в камин то, что осталось от словаря. И пока я пересчитывал пятисотдолларовые банкноты, а потом и сотенные, Вулф все швырял и швырял выдранные страницы в огонь. Я дважды пересчитал всю сумму, а когда закончил, от словаря остался лишь переплет.

— Ровно двадцать две штуки, — объявил я.

— А это сгорит? — поинтересовался Вулф.

— Безусловно. Это ведь коленкор. Возможно, повоняет немного. Покупая словарь, вы, похоже, заранее знали, что его сожжете. А иначе заказали бы его в кожаном переплете.

Не удостоив меня ответом, Вулф бросил обложку в камин, где весело трещали поленья, которые Фриц положил вместе с растопкой. Глядя, как переплет сворачивается в языках пламени, Вулф произнес:

— Арчи, отведи мисс Блаунт в кабинет и дай ей расписку. Я к вам скоро присоединюсь.

ГЛАВА 2

Двадцать две тысячи долларов — это вам не кот начихал. Даже за вычетом налогов и накладных расходов оставшаяся сумма частично компенсирует расходы на содержание принадлежащего Вулфу старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, трех его постоянных обитателей — самого Вулфа, повара и домоправителя Фрица Бреннера и меня, — а также приходящего садовника Теодора Хорстмана, который проводил по десять часов в день, а иногда и больше, ухаживая за десятью тысячами орхидей в оранжерее под крышей. Однажды я подсчитал наши затраты в час за полгода, но не стану называть полученный результат, поскольку этот текст может прочесть глава местного отделения Службы внутренних доходов, который немедленно прикажет одной из своих ищек сравнить мои данные с цифрами в налоговой декларации. Хотя именно эти двадцать две штуки налом инспектор наверняка обнаружит в графе «доходы».

Но когда в четверть второго я закрыл за Салли Блаунт дверь и убрал пачку банкнот в сейф, энтузиазма у меня несколько поубавилось. У нас была толстая пачка денег и ни единой зацепки, чтобы распутать дело. Вулф ясно дал понять, что его единственное обязательство — попытаться что-либо предпринять. Мы явно облажались, даже не начав дело, что можно считать ощутимым ударом по самолюбию волшебника, не говоря уже о его верном псе.

Я заполнил с десяток страниц своего блокнота следующими пунктами.

1. Насколько известно Салли, никто из четверых посредников — единственных, кто, помимо ее отца, повара и официанта, имел доступ к кофейнику с шоколадом, — ранее не был знаком с Полом Джерином и не имел с ним никаких контактов. В противном случае Салли наверняка была бы в курсе, поскольку все четверо посредников так или иначе входили в круг общения Блаунтов и она с ними довольно часто встречалась. Что касается Бернарда Нэша, официанта, и Тони Лаги, повара, то Салли видела их впервые в жизни.

2. Теперь о посредниках. Чарльз У. Йеркс, банкир, периодически сталкивался с Блаунтами на светских мероприятиях. Блаунт входил в совет директоров банка, который возглавлял Йеркс. Йерксу нравилось находиться в обществе миссис Блаунт, матери Салли, впрочем, как и большинству мужчин. В своих записях я заключил в скобки догадку, что Салли не отказалась бы, чтобы мужчины, оторвав взгляд от ее матери, время от времени посматривали бы и на дочь тоже. Что было несколько странно, так как Салли и сама была далеко не дурна собой, хотя я, конечно, еще не видел матери.

3. Мортон Фэрроу, тридцати одного года от роду, не был финансовым гением, хотя и не догадывался об этом. Он получал приличную зарплату в текстильной корпорации «Блаунт» исключительно потому, что приходился миссис Блаунт племянником, но считал, что ему недоплачивают. Я не цитирую Салли, но понял это из ее слов.

4. Эрнст Хаусман, отошедший от дел маклер и старинный друг Мэтью Блаунта, был крестным отцом Салли. Несчастный человек, обреченный умереть несчастным. Он отдал бы десять миллионов долларов, чтобы сыграть с настоящим гроссмейстером без форы и поставить ему мат. Ну что ж, мечтать не вредно. С Блаунтом Хаусман не играл в шахматы уже много лет, не без оснований подозревая, что тот ему поддается. Хаусман был категорически против приглашения Пола Джерина в клуб для проведения сеанса одновременной игры, поскольку считал, что в клуб следует пускать исключительно его членов. Короче, типичный случай страдальца-сноба.

5. Дэниел Калмус, адвокат, много лет работал консультантом в корпорации Блаунта. Салли однозначно испытывала к нему сильные чувства, но я не совсем понял, какие именно; Впрочем, я и сейчас нахожусь в некоторой растерянности, а потому предпочитаю замять для ясности. Мисс Блаунт сказала, что Йерксу было лет сорок с хвостиком, Хаусману, ее крестному отцу, — хорошо за семьдесят, но совершенно точно назвала возраст Калмуса: пятьдесят один год. Если двадцатидвухлетняя девушка способна назвать возраст мужчины практически вдвое старше ее, который не является ей родственником и с которым она не состоит в близких отношениях, на это наверняка есть веская причина. Имелись и другие свидетельства неравнодушного отношения Салли к адвокату, а именно ее тон и манера говорить. Я могу объяснить предвзятое отношение Салли к Калмусу — она всегда говорила «Дэн Калмус», а не «мистер Калмус» или просто «Калмус» — не только неверием в его способность вытащить мистера Блаунта из тюрьмы, а отчасти опасениями, что он просто-напросто не захочет этого делать. Ведь если Блаунта отправят на электрический стул или приговорят к пожизненному заключению, миссис Блаунт станет свободна. Салли, конечно, этого не сказала, но уже в третий раз упомянула, что Дэн Калмус влюблен в ее мать. Когда Вулф спросил Салли: «А ваша мать в него влюблена?» — девушка сразу ответила: «Боже упаси, нет, конечно! Если она в кого и влюблена, то, разумеется, лишь в моего отца!»

6. Итак, с посредниками мы закончили. Что касается остальных пунктов в моем блокноте, то существенное значение имеет только один. Если и была найдена какая-либо емкость, содержащая мышьяк, в газетах об этом не писали. Хотя такие подробности полиция и окружной прокурор обычно держат при себе. Когда Вулф спросил у Салли, что ей об этом известно, я затаил дыхание. Меня бы ничуть не удивило, скажи она, что, да, полупустая бутылочка мышьяка была обнаружена у ее отца в кармане. А почему бы и нет? Однако Салли ответила, что, насколько ей известно, никакой емкости найдено не было. Доктор Эйвери, которого часто приглашали в дом Блаунтов для оказания кому-либо из домочадцев медицинской помощи, сообщил мистеру Блаунту через два-три дня после трагедии, но еще до ареста последнего, что после осмотра Джерина сразу заподозрил возможность отравления, в связи с чем внимательно осмотрелся вокруг и даже спустился на кухню, однако ничего не нашел. А четыре дня спустя, когда Салли после двух бессонных ночей отправилась к доктору Эйвери за рецептом на успокоительное, тот сообщил ей, что, по словам окружного прокурора, бутылочки с мышьяком так и не обнаружили, и теперь, когда мистер Блаунт находится за решеткой по обвинению в убийстве, полиция вряд ли проявит особое рвение в поисках мышьяка. Полицию вызвали лишь после смерти Джерина, доставленного в больницу в карете «скорой помощи», и Блаунт, который шел пешком до больницы, расположенной всего в паре кварталов от клуба «Гамбит», имел массу возможностей выбросить по дороге мелкий предмет, если таковой при нем был. Доктор Эйвери, не сомневавшийся в невиновности своего друга и пациента Мэтью Блаунта, сказал Салли, что у кого-то из присутствующих в тот день в клубе должна была быть емкость с мышьяком, от которой преступник наверняка успел избавиться, и посоветовал девушке попросить Калмуса нанять детектива, чтобы тот попытался найти мышьяк. Именно после совета доктора Эйвери Салли и пришла в голову идея обратиться к Ниро Вулфу.

И последний пункт, который я не стал записывать в блокноте. Под конец встречи Вулф заявил мисс Блаунт, что с ее стороны нелепо надеяться, будто он сможет действовать без ведома Калмуса или ее отца. Ему, Вулфу, придется встречаться с разными людьми. По крайней мере с четырьмя посредниками на турнире. А поскольку Вулф не выходит по делам из дому, всем свидетелям придется приехать в особняк на Западной Тридцать пятой улице. Причем Салли необходимо будет самой привезти или отправить их сюда. Калмус, естественно, обо всем узнает и непременно сообщит мистеру Блаунту. Услышанное Салли не слишком понравилось. У меня даже возникло впечатление, что вот-вот произойдет обратный обмен: я верну ей пачку банкнот, а она мне — расписку. Но Салли задумчиво пожевала нижнюю губу и, похоже, решила держаться до конца. Она поинтересовалась у Вулфа, кого он желает видеть в первую очередь. Вулф обещал дать ей знать. Она спросила когда. Он ответил, что нужно подумать.

Итак, в четверть второго, проводив мисс Блаунт, я без особого энтузиазма вернулся в кабинет, чтобы убрать деньги в сейф. Вулф сидел очень прямо, сжав губы в тонкую ниточку, положив руки на письменный стол и свирепо уставившись на дверь в гостиную. Возможно, это было его последнее прости подрывному словарю или его привет новой бесперспективной работе, однако спрашивать Вулфа, в чем, собственно, дело, не имело смысла. Не успел я захлопнуть дверцу сейфа, как в кабинет вошел Фриц, чтобы пригласить нас на ланч. Увидев мрачного как туча Вулфа, Фриц посмотрел на меня, но, обнаружив, что выражение моего лица ничуть не лучше, отрывисто бросил:

— Ну ладно, ты сам ему скажи, — после чего повернулся и ушел.

За столом мы, естественно, не говорили о делах, чтобы не омрачать процесс принятия хорошей пиццы — а в этом доме она всегда хорошая, — и Вулф сделал вид, что жизнь прекрасна и удивительна. Однако, когда мы, допив кофе, вернулись

в кабинет, он сел в свое кресло и, положив сжатые в кулак руки на подлокотники, спросил меня прямо в лоб:

— Это сделал он?

Я поднял брови. Если бы в убийстве подозревалась сама Салли Блаунт, я наверняка потрафил бы Вулфу, поскольку он свято верил, что после часа, проведенного в обществе привлекательной молодой женщины, я уже знал о ней буквально все. Однако моя проницательность явно не распространялась на родственников, которых я в жизни не видел, пусть даже это был отец нашей клиентки.

— Я признаю, что если можно допустить вину человека по ассоциации с его родственниками, то по той же ассоциации можно допустить и его невиновность. Впрочем, припоминаю, как в разговоре с Льюисом Хьюиттом вы однажды заметили, что перенос на...

— Заткнись!

— Да, сэр.

— Но почему ты не вмешался? Почему не остановил меня?

— Моя задача — заставить вас взяться за работу, а не останавливать.

— Пф! Но почему, ради всего святого, я пошел у тебя на поводу?! Из-за денег? Проклятье! Уж лучше мне жить в пещере и питаться кореньями и ягодами. Деньги!

— Орехи тоже весьма неплохо. И еще кора некоторых деревьев. А вместо мяса можно попробовать летучих мышей. Хотя деньги здесь сыграли не главную роль. Она считает, вы можете делать такие вещи, на которые ни один человек на земле не способен. И когда стало очевидно, что вытащить Блаунта из тюрьмы ни один человек земле не способен, вы купились. А виноват там Блаунт или нет — это дело десятое. Вам придется доказать его невиновность, даже если он и убийца. Чудесно! Однозначно ваше лучшее дело.

— И твое тоже. Наше. И ты меня не остановил. — Вулф нажал на кнопку, два коротких и один длинный звонок: сигнал, чтобы принесли пиво.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАМБИТ <i>Перевод О. Александровой</i>	5
ПОГОНЯ ЗА МАТЕРЬЮ <i>Перевод А. Санина</i>	187
БАНАЛЬНОЕ УБИЙСТВО, ИЛИ ТРИО ДЛЯ ТУПЫХ ИНСТРУМЕНТОВ	
Убей сейчас — заплатишь потом. <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	391
Банальное убийство. <i>Перевод А. Санина</i>	471
Кровь расскажет. <i>Перевод Е. Копосовой</i>	560